

Таким образом, Вегетий как автор по истории военного дела своими сведениями как бы предвзывает изучение специальных вопросов военного искусства древности. В дальнейших публикациях переводов писателей по этому вопросу особое внимание должны привлечь греческие полиоркетики, которые в позднеримский период подвели итоги развитию специфической области военного дела, каким являются искусство осады городов и техника сооружения различных военных механизмов.

Изучение этих источников рабовладельческой эпохи не может быть изолировано. Такие авторы, как например Вегетий, вскрывают нам еще отдельную сторону жизни рабовладельческих обществ древности—правда, специфическую—военную,—но эта сторона представляет собою неотъемлемую составную часть рабовладельческого Рима. Военное дело в Риме, военное искусство и уровень римской военной техники неотделимы не только от военной истории древнего Рима, но и от всей совокупности общественных отношений этого рабовладельческого государства.

При изучении античного способа производства и соответствующей ему античной (рабовладельческой) формации общества возникает ряд проблем, которые интересны не только в их общей связи, но которые могут и должны быть выделены для отдельного и самостоятельного исследования. Из числа таких вопросов для детального изучения следует выделить проблему войны, ее социальной функции в условиях рабовладельческих обществ древности.

Изучение роли войн в классовых обществах, специфической роли их в условиях данного конкретного общества—одна из интересных и актуальных проблем марксистской исторической науки. Столь же интересной проблемой в этой связи является вопрос о специфической организации армии, системы ее вооружения, стратегии и тактики в определенные исторические эпохи.

Изучение войн эпохи капитализма и империализма отправляется из того теоретического положения, которое в «Кратком курсе истории ВКП(б)» сформулировано о войнах справедливых и несправедливых. Но было бы большой опрометчивостью это положение механически прилагать к эпохам первобытного общества, или к обществам рабовладельческим, или феодальным. Внутренние и специфические закономерности развития древних обществ несомненно придавали войне особую роль в экономической и социальной истории древних государств.

Основоположники марксизма придавали этому вопросу немалое значение, сами изучали этот вопрос и для дальнейшего исследования его оставили нам ряд весьма важных указаний. Публикуемая в настоящем номере «ВДИ» рукопись «Формы, предшествующие капиталистическому производству» из серии неопубликованных работ Маркса дает нам много ценных высказываний и по вышесказанному вопросу о войне. Исключительное значение этой работы Маркса вряд ли можно переоценить. Здесь формулируется ряд таких принципиальной важности теоретических положений, которые для историков древнего Востока, Греции и Рима являются отправными при разрешении еще многих неразрешенных вопросов. Но наше внимание в этой работе привлекают положения Маркса о происхождении войны, ее социальной роли при распаде родового строя и возникновении первого классового (рабовладельческого) общества. При возникновении собственности на землю (хотя бы в форме общинной) или на стада животных создаются социальные предпосылки для столкновения общин, для происхождения войны, как таковой. «Единственной преградой, на которую данный коллектив может натолкнуться в своем отношении к естественным условиям производства—к земле (уже если мы сразу перейдем к оседлым народам), как к своим, является *другой коллектив*, который уже располагает этими условиями, как своим неорганическим телом. Поэтому война—это один из самых первобытных видов труда каждого из этих естественно сложившихся коллективов как для отстаивания собственности, так и для ее приобретения» (см. текст рукописи; всюду курсив Маркса). Таким образом, как это видно из изложенной мысли Маркса, война уже при возникновении классового общества являлась условием его производства, самого существования его, а также приобретения собственности, как и воспроизводства ее. «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую

принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость» (см. текст рукописи). Борьба за возникшую и продолжавшую развиваться собственность, за приобретение богатств, за эксплуатацию одного класса другим приводила не только к образованию государства, к созданию определенной системы армии, но и к длительным войнам образовавшихся первых государств. Именно с этой точки зрения Ленин склонен был знаменитые пунические войны называть даже «империалистскими»... «война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной» (Ленин, Соч., т. XXI, «К пересмотру партийной программы», стр. 305). При этом, в другом месте, Ленин предупреждает, что «...рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения „великого Рима с великой Британией“» (Ленин, Соч., т. XIX, «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 137).

На вопросе о том, как в конкретных условиях рабовладельческого общества война связывалась со всем комплексом производственных отношений, мы останавливались в специальной работе, в которой постарались учесть все указания классиков марксизма по этому вопросу и развить их дальше. (См. А. Мишулин, О воспроизводстве в античной общественной формации, ИГАИМК, т. XIII, вып. 8, 1932.) К ней мы и отсылаем всех интересующихся этой стороной вопроса.

Здесь нам хотелось остановиться на другой стороне вопроса. В древности обращают на себя внимание два ряда совершенно противоположных по характеру войн. На это обратил внимание Ленин, который в ряде работ говорит о войнах, продолжавших политику угнетательских классов, и о войнах, продолжавших политику угнетенных классов. (См. Ленин, Соч., т. XXI, «К пересмотру партийной программы», стр. 306.) Ленин особо обращает внимание на античность, в которой «...История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства» (Соч., т. XXIV, «О государстве», стр. 371). Таким образом, бывают войны господствующего класса, которые своей целью ставят захват земель, богатств, порабощение, и войны за освобождение от рабства, войны, которые в развитии классовой борьбы поднимают сознание угнетенного класса, готовят его к дальнейшей исторической миссии в деле ликвидации рабства вообще, всякого социального неравенства и классов как таковых.

Ленин идет еще далее в изучении войн в истории. Не всякие войны, которые вел господствующий класс, то или иное государство, в истории были непременно реакционными, «И от пацифистов и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)» (Ленин, Соч., т. XVIII, «Социализм и война», стр. 193). Таким образом, подлинно исторический подход Ленина к изучению войн позволяет ему дифференцировать и войны, которые вели классовые государства в различные эпохи. Войны против турецкой деспотии, против русского самодержавия приносили пользу развитию человечества. С этой точки зрения «изучения каждой войны в отдельности» (Ленин) необходимо подойти и к войнам в условиях древнего мира. Возьмем, например, греко-персидские войны. Война передовой для тогдашних исторических условий греческой рабовладельческой республики против персидской деспотии несомненно должна была сыграть прогрессивную роль. Сатрапальной системе управления персидской монархии, консервировавшей старые родовые отношения, ввергавшей общество в состояние экономического застоя, политической неподвижности, греческими республиками был нанесен сокрушительный удар. Этот удар был завершен знаменитыми походами Александра Македонского.

Или возьмем войны германцев против рабовладельческого Рима. В поздний период

Римской империи рабство себя уже изживало. Бюрократическая система управления провинциями, власть императора и его военной клики задерживали развитие новых слагавшихся колонатных отношений, которые становились формой перехода к более прогрессивным отношениям феодализма. В разрушении реакционной политической системы Римской империи сыграла свою историческую роль революция рабов. Но в развитии этой революции не малое значение приобретали войны германцев против Рима, которые объединялись с рабами и колонами и совместно покончили с рабовладельческим Римом. О прогрессивном значении войн германцев в конце Римской империи достаточно ясно говорил Энгельс.

С этой точки зрения должно вестись изучение каждой в отдельности взятой войны в древности.

Теперь перейдем к более подробному изложению последнего вопроса. Если греческие и римские авторы немало писали об организации армии, о вооружении, об осаде городов и придавали в своих исторических повествованиях большое значение войнам, их истории, — то, спрашивается, чем определялся этот интерес к войнам? Какие социальные и политические мотивы приводили представителей господствовавшего класса древности к концентрации их внимания на войнах? Какова конкретно роль войны в условиях рабовладельческого общества?

Остановимся на некоторых мыслях, изложенных по данному вопросу в нашей вышеназванной работе¹.

Маркс и Энгельс при изучении античного общества не раз подчеркивали, что отношение господства и подчинения там держалось больше на голой силе, чем на экономическом принуждении. Маркс, например, говорит о целой системе грабежа в античном мире и в особенности в период развития торгового капитала. «Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.»². В другом месте Маркс, говоря о происхождении рынка рабов в Греции и Риме, подчеркивает исключительную роль социальной функции войны в общественном воспроизводстве рабочей силы. «Самый рынок рабов, — пишет Маркс, — постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой в свою очередь обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»³. Эти положения Маркса и Энгельса о роли войны в рабовладельческих обществах опираются на достаточно большой фактический материал самой античной истории. Можно было бы сослаться на ряд авторов древности, из творений которых видно, что сами древние народы прекрасно учитывали все значение войны как необходимого жизненного условия планомерного существования общества, для которого основным питательным соком являлась захваченная в войнах рабочая сила. Достаточно привести хотя бы свидетельство Аристотеля, который, ставя войну, разбой, охоту (в смысле грабежа) в один ряд, считает войну или военное искусство «вполне естественным средством для приобретения собственности». Аристотель подчеркивает в особенности значение той «части военного искусства, которая имеет своим предметом охоту: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива»⁴. Здесь нетрудно заметить, что под «охотой», как под особым рода войной, Аристотель подразумевал беззастенчивый грабеж или разбой ради захвата людей в рабство.

¹ См. А. Мишулин, О воспроизводстве..., стр. 19—30. В этой части мы следуем в основном изложению данного вопроса в названной работе.

² К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, изд. 8-е, стр. 297.

³ К. Маркс, Капитал, т. II, изд. 8-е, стр. 416.

⁴ Аристотель, Политика, I, 3, 8. Перевод С. А. Жебелева.

Короткий период расцвета древней Греции является, в сущности, периодом морского господства Афин в восточной части Средиземного моря, когда после успешного окончания греко-персидских войн греки стали владыками над варварскими странами Передней Азии. Вывоз дани, постоянный грабеж и, главное, захват рабов в этих странах становятся базой существования рабовладельческой Греции.

Еще большее значение войны, как средство добычи рабов, имели в развитии римского общества. Само право войны рассматривалось как право захвата побежденного и его имущества¹. Долголетние войны, которые наполняют римскую историю, достаточно показывают, что главным фактором в каждой войне была охота за живой добычей—рабами из лигурийских, испанских и галльских племен.

Эта добыча массами пополняла рынки рабов, так что не было сколько-нибудь значительного города, который бы не имел рабского рынка для снабжения местных округов рабочей силой из вновь захваченных рабов. С конца III в. до н. э. развитие рабовладельческого хозяйства древнего Рима приводит к тому, что «воспроизводство рабов» путем войн становится жизненной необходимостью существования рабовладельческого общества. После завоевания Тарента 30 000 пленных потекли в Рим в качестве рабочей массы. При столкновении конницы Валерия Флакка с галльскими племенами было убито и захвачено в плен около 35 000 человек. После Сардинской войны было убито и захвачено рабов более 80 000 человек, а после победы над Персеем в Эпире было продано 100 000 человек. В описаниях войн Ливий приводит достаточно большие, хотя и неточные, цифры захваченных рабов, чтобы по этому материалу можно было хотя бы примерно судить о действительно огромном значении войн в истории Рима.

Все это не должно, конечно, означать, что рабы не вербовались также и из местного населения. И в Греции и в Риме мы наблюдаем, как пролетаризировавшиеся мелкие аграрии, попавшие в кабалу ростовщиков, превращались иногда в рабов. Однако такое образование рабства столь же мало колебало значение войны как главного источника рабства, как мало спорадическое применение свободной силы ремесленников колебало значение самого рабства как основной формы труда в античности.

Таким образом, война в истории рабовладельческих обществ приобретает исключительное значение в воспроизводственном процессе. На это обстоятельство обратил внимание в свое время Бастиа, хотя этот вопрос о войне и грабеже он формулировал в крайне примитивной форме, за что ему и досталось от Маркса.

Бастиа и Дюринга не интересуют те конкретные условия, при которых «насилие, вместо того, чтобы господствовать над экономическим положением,—как говорит Энгельс,—служило хозяйственным целям»².

Для Бастиа совершенно в стороне остается вопрос о том, каковы же были особенности той экономики, в которой война была одним из необходимых ее жизненных моментов. Ведь совершенно очевидно, что война-грабеж имела большое значение в античной экономике, и поэтому сама экономика не могла не отражать собой концентрации хозяйственных интересов именно вокруг войны. «История армии,—писал Маркс в письме Энгельсу,—дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений»³. И с точки зрения этого положения Маркса важно было не только то, что в связи с ролью войны в древней Греции «местная фила была не только политической, но и военной корпорацией», а в древнем Риме на военной основе сложившиеся сенат, народное собрание и военная организация «обратились в правильные функции народной жизни» (Энгельс). Важным обстоятельством здесь становится тот факт, что в связи с такой военной организацией общества наиболее развитой отраслью промышленности в античной экономике было военное производство, в основном и обслуживавшее задачу воспроизводства рабочей силы. Интересно, что при всем низком уровне производитель-

¹ См. Т. Ливий, I, 38.

² Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1931 г., стр. 167.

³ К. Маркс, Письмо к Энгельсу от 25 сентября 1857 г. «Письма», изд. 4-е, Соцэкгиз, 1932.

ных сил общества, при всей примитивности техники производства в хозяйстве, при всеобщем господстве рабского труда, связывающего развитие этой техники, военное ремесло являлось, как ни странно, такой областью производства, которая поднималась выше среднего уровня тогдашней техники, имела более развитые трудовые отношения, наконец, применяла спорадически впервые отношения наемного труда. Маркс в своих заметках по истории военного дела у римлян писал Энгельсу: «...здесь впервые встречается в крупных размерах применение машин. Даже особая ценность металлов и их роль как денег, повидимому, основывалась первоначально на их военном значении, как только миновал гриммовский каменный век. Точно так же и разделение труда в н у т р и одной отрасли промышленности было впервые проведено в армиях». «Равным образом у римлян... [впервые при войске возник] цеховой порядок корпораций *fabri* [ремесленников]»¹. Обращение к конкретной истории ставит нас перед колоссальным материалом, подтверждающим это положение Маркса.

При исследовании, например, металлического ремесла в античности резко бросается в глаза то обстоятельство, что металл как предмет труда производится прежде всего и в основном той отраслью этого ремесла, которая изготовляла предметы вооружения. В то время как именно металлургическое и металлическое производство должно было, казалось, обеспечить производство средств производства (т. е. орудий труда), производство последних оставалось на чрезвычайно низком уровне. Металл шел главным образом не на изготовление орудий труда, как например, сошников, посуды и различного рода приспособлений, необходимых в условиях земледельческой культуры. Старый плуг гомеровского времени, лишь в редких случаях снабженный металлическим сошником, продолжал господствовать в течение всего «классического» периода древней Греции², точно так же, как и в древнем Риме описанный Вергилием³ деревянный плуг продолжал оставаться еще во времена и после Вергилия. Рабский способ производства сказывался скрывавшим образом на техническом развитии общества. Это общеизвестно.

Совершенно иное мы наблюдаем в производстве предметов роскоши и в особенности оружия. Потребляющая культура рабовладельческого общества, основывающегося на варварстве производящих народов, неразвитость которых была базисом его существования, такая культура «безумного расточительства» и «чрезмерного потребления богатых» именно эти отрасли ремесла выдвинула на передовую линию производства.

Мы не будем останавливаться на производстве предметов роскоши, хотя это производство поглощало большие массы металла и находилось на уровне техники, достаточно высокой в тех условиях. Для знакомства с этой отраслью дела мы отсылаем к Павсанию, автору хотя и позднему, но дающему нам чрезвычайно большой материал об употреблении металла преимущественно на литье статуй богов, изготовление треножников в храмах, триумфальных колесниц, ожерелий и т. п.⁴. Эта сторона производства нас менее интересует. «Предметы роскоши, — говорит Маркс, — имеют наименьшее значение при технологическом сравнении эпох между собой».

Мы обратимся непосредственно к состоянию военного производства в связи с вышеприведенными положениями Маркса о роли войны в античности. Характерно, что из источников мы узнаем о безусловно более высоком уровне военного производства, чем даже производства роскоши. Сами масштабы военного производства несравненно более значительны. У Плиния есть одно указание, которое говорит нам, что по бассейну Средиземного моря едва ли был народ, который не имел бы собственного производства оружия из металла⁵. У Поллукса мы имеем даже конкретное указание о местах

¹ К. Маркс, Письмо к Энгельсу от 26 сентября 1857 г. «Письма», стр. 102—103.

² См. об этом у Велосх'а, *Griechische Geschichte*, т. II, 1, стр. 87.

³ См. Вергилий, *Георгики*, I, 160—175.

⁴ См. Павсаний, *Описание Эллады*, I, 1, 2; I, 14, 4; I, 16, 1; II, 3, 2, 3; III, 17, 3; III, 24, 5; IX, 10, 2; 13, 41, 3; X, 16, 1; см. также и другие места. Русский перевод Янчевецкого, СПб, 1887—1889.

⁵ «*Nat. Hist.*», XXXIV, 41.

производства. Так например, он говорит, что производство панцирей было широко поставлено в Аттике, в Беотии делали шлемы, в Лаконии—каска и кинжалы, а в Этолии и Фракии—дротики, мечи и секиры¹. Наконец, о том, что военное производство принимало действительно большие масштабы, мы узнаем из речей Демосфена и Лисия, давших так много поводов для неправильных их толкований со стороны ограниченных буржуазных модернизаторов.

Мы узнаём, что у отца Демосфена была оружейная мастерская, в которой было занято около 50 мастеров. Мастерская же Лисия по изготовлению щитов имела даже 120 рабов.

Социальная функция войны в античном хозяйстве не только создавала и развивала военное производство, но и сама в значительной степени могла осуществляться, следовательно, и развиваться только благодаря этому производству. Насколько военное производство обслуживало войну в самом процессе ее ведения и в какой степени, таким образом, она зависела от военного производства, достаточно говорит то, что позднее в каждой римской армии появились военные ремесленники (*fabri*) и целые отряды военных ремесленников под командой инженеров—*praefecti fabrum*. Именно это обстоятельство дало основание Марксу заключить, что здесь именно «впервые при войске возник цеховой порядок корпораций *fabri*» (ремесленников). «Точно так же и разделение труда в н у т р и одной отрасли промышленности (т. е. военной.— А. М.) было впервые проведено в армиях»².

Только социальная функция войны как средства воспроизводства рабочей силы может объяснить нам, почему и техника производства в военном ремесле была значительно выше, чем в каких-либо других отраслях хозяйства. Именно «здесь,—говорит Маркс в выше цитированном письме,—впервые встречается в крупных размерах применение машин». Речь идет здесь о тех осадных и метательных машинах, которые в известной степени механизировали «производство войны». Так называемые *tebreae* (тараны), *aries* («баран»—вид тарана), *saturpulta* (орудие для метания больших тяжелых) и др. были в сущности первыми машинами, которые появлялись в древности.

Какое место занимали эти первые машины в военном деле, мы видим достаточно из «Записок о галльской войне» Цезаря, из трактата римского инженера Витрувия³ служившего в войсках Цезаря, и в особенности из трактата более позднего автора—Вегеция, давшего подробное и специальное описание как военного дела (*rei militaris*), так и военных машин⁴.

«Производство войны» в узком смысле слова не могло не повлиять на развитие техники и «военного производства» в более широком смысле. Постоянная необходимость в панцирях, шлемах, мечах, стрелах, латах и т. п. должна была поднимать металлическое производство до такого технического уровня, чтобы оно смогло быстро обеспечить армию доброкачественным вооружением. По формам дошедших до нас изображений шлемов, кирас, мечей и т. п. мы можем судить, что они безусловно являлись предметом работы действительно искусной руки мастера.

Мы не закончили бы вопроса об этом своеобразии античной экономики с ее военным производством, как и «производством войны», если бы не остановились на классовой дифференциации в самой армии в связи с вышеозначенным положением.

Ведь если война в рабовладельческом хозяйстве выполняла социальную функцию воспроизводства рабов как рабочей силы и орудий труда, то каждый гражданин, каждый аграрий должен был быть готов к ней. Это и в Греции и в Риме приводило не только к тому, что каждый гражданин рассматривал себя воином, но и к тому, что каждый должен был приобрести себе дорого стоящее вооружение. Совершенно

¹ См. у В и т н е г'а, *Terminologie und Technologie*. О металлическом производстве см. интересную статью Р. В. Шмидт, ИГАИМК, № 108 (сборник «Из истории материального производства античного мира»).

² См. выше цитированное письмо Маркса Энгельсу.

³ См. в особенности 10-ю книгу его трактата «Об архитектуре», где дается описание различного рода стенобитных, метательных, зажигательных и других машин.

⁴ См. В е г е ц и я, Краткое изложение военного дела. В особенности же 4-ю книгу, где дано описание основных военных машин античности.

естественно, что последнее было не под силу для каждого, ибо металла в то время было недостаточно и он был очень дорог. В особенности дорого было поздно появившееся железо, добыча и обработка которого были чрезвычайно затруднены в условиях того времени¹. Если к тому же учесть, как мы выше отмечали, что металлы, в особенности медь и ее сплавы, шли на литье предметов роскоши, то станет ясно, насколько трудным становилось для несостоятельных граждан приобретение даже бронзового оружия. Именно это потребительное значение металла подняло его ценность, в связи с чем еще Маркс заметил, что «особая ценность металлов и их роль, как денег, повидимому, основывалась первоначально на их военном значении». Мы уже не говорим о том, что если металл был дорог и его нехватало даже на насущнейшую потребность рабовладельца-крестьянина, т. е. на вооружение, то не могло быть и речи о широком употреблении металла на изготовление орудий труда, уже чересчур дорогую затею в условиях дешево стоящего рабского труда.

Различие имущественного положения приводило к различию в распределении оружия, последнее являлось как бы выражением социальной дифференциации и в самой армии. Известно, что еще при Сервии Туллии армия организовалась соответственно пяти имущественным классам римского общества. Первый класс имел преимущественное положение в армии, поскольку он имел соответственно своему богатству полное металлическое вооружение. Последние же классы имели только наступательное металлическое оружие, как то: копья и мечи; приобретение же оборонительного оружия, как щиты, панцири из металла, было недоступно по их имущественному положению, почему они и заменялись кожаными, деревянными, а также из ткани. Пятый класс — прашники по преимуществу — имели пращу и метательные камни. Лучшие вооруженные части войска находились в первых рядах фаланги и имели преимущественное право на захваченную в войне добычу.

Но качество вооружения воина, вытекающее, таким образом, из материальных условий хозяйства последнего, не только отражалось на распределении всего захваченного на войне, но и приводило к укреплению власти лучше вооруженных.

А это означало, что если всякое вооружение, независимо от его качества, имело своею целью войну, т. е. получение рабов и накопление сокровищ, то сама война, кроме этой цели, служила еще средством воспроизводства силы внеэкономического принуждения для групп с лучшим качеством вооружения (т. е. экономически сильных).

Таким образом, если капиталистический способ производства воспроизводит и, как говорит Маркс, капиталистическое отношение, т. е. капиталиста, с одной стороны, и наемного рабочего — с другой, то античный способ производства, благодаря особой роли войны, воспроизводит не только античное отношение рабовладельца и раба, но и внеэкономическое принуждение, которое является неизменным условием данного отношения.

Таковы особенности античной экономики, в которой военное производство в силу социальной функции войны становилось ведущим по масштабам своей организации и уровню техники. Остается еще заметить, что не только металлическое ремесло было подчинено обслуживанию войны. Кораблестроение, строительско-каменотесное дело, проведение дорог и мостов также значительно зависели от задач обслуживания военных походов. Если транспорт является, согласно Марксу, продолжением производственного процесса и определяется характером последнего, то в сущности это также относится и к античному транспорту. Насколько античный транспорт был связан с военным производством и с войной, как таковой, — замечает сам Маркс, когда о происхождении транспорта и его характере он говорит следующее: «У варварского народа-завоевателя сама война... еще является... регулярной формой сношений»². А поскольку это так, то при изучении, например, торгового и военного морского транспорта трудно их различить. В условиях античного способа производства торговый транспорт — морской — тесно связан был не только с торговлей, которую он, собственно, должен

¹ См. об этом Велосн, I, стр. 64.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 13.

был обслуживать, но и с пиратскими набегами и грабежом. Так как сама античная торговля тесно была связана не только с обманом и прямым обманом, но и с военными набегами, то вполне естественно, что таким образом неизбежно создавались предпосылки для перерастания торгового транспорта на море в военно-морской флот. При том значении войны как силы внеэкономического принуждения, какое она имела в античном обществе, можно сказать даже, что морской транспорт имел прежде всего военное значение.

В связи с этим обстоятельством здесь уместно заметить, что развитие торгового капитала, т. е. посреднические операции торговых городов в античности, несколько не умаляло этого значения войны, а, наоборот, усиливало его. Торговый капитал в античном обществе, как и в каждой докапиталистической общественной формации, был не только связан в своем развитии с войной, но в значительной степени от нее и происходил, как это заметил Маркс.

Если при системе рабства прибавочный продукт отнимался прямым принуждением, то и само рабство не могло воспроизводиться без внеэкономического принуждения. Ближайшее же рассмотрение социальной функции войны показывает нам, что именно война и являлась основным каналом, по которому шел процесс воспроизводства рабов. Это—основное, но этого еще, однако, недостаточно для характеристики процесса воспроизводства, как недостаточно для характеристики живого общества, что оно ест, пьет и дышит. Общество должно производить, чтобы иметь возможность есть и пить, тем более, следовательно, вести войну. Война в античности лишь обратная сторона ее экономики. Насилие как внеэкономическое принуждение, сопровождающее войну, есть экономическая сила.

Если общество живет присвоением прибавочного продукта рабов путем прямого принуждения, если сами рабы воспроизводились также путем внеэкономического принуждения, то должна существовать какая-то экономика, которая представляет возможность воспроизводить само насилие, само внеэкономическое принуждение. Люди не могли драться, грабить и присваивать друг у друга, сами ничего не производя, т. е. без той базы, которая вооружала бы одних против других, создавала бы силу одних над другими, давала бы материальную возможность одним присвоить у других, причем эта экономическая база должна была все время воспроизводиться.

Когда мы выше обращали внимание на масштаб развития военного производства, на относительно большее производство предметов вооружения по сравнению с производством орудий производства, то приходилось останавливаться на этом, главным образом, в связи с особым значением и ролью войны в античности. Теперь нам остается развить только то положение, что как раз при рабстве военное производство и являлось экономической базой войны, сферой воспроизводства внеэкономического принуждения. Если для процесса воспроизводства необходимо все больше прибавочного продукта превращать в средства производства и если, тем не менее, как говорит Маркс, в античности это превращение имело место в незначительной степени, то главной сферой производства, где это превращение в той или иной степени могло осуществляться, было военное производство. Чтобы война могла вестись, чтобы она могла играть описанную выше роль в античной экономике, необходимо постоянное производство средств войны. Естественно, что хозяйство должно было несколько раздвигаться за рамки производства потребительных стоимостей. Пока греческий или римский воин вооружался на собственный счет и все вооружение в основном производили в своем собственном хозяйстве или вынуждены были приобретать это вооружение путем обмена,—военное производство еще имело традиционный характер и не выходило за пределы натурального хозяйства. Несколько изменяется дело, когда наступает необходимость формирования на государственный счет регулярной армии. И в Греции и в Риме это приводит к организации государственных заказов на изготовление военного снаряжения, к концентрации (путем налогов) денег, на которые государство закупало вооружение и различного рода снаряжение для военных кампаний. Это обстоятельство вносило некоторые изменения в военное производство в том смысле, что оно не оставалось только производством потребительских стоимостей. Наоборот,

потребительская стоимость продукта (военного снаряжения, оружия и т. п.) непосредственного производителя, выполнявшего некоторый заказ, хотя бы даже в качестве повинности для государства, все далее и далее отодвигалась. Стоимость приобретала даже характер меновой стоимости, поскольку она поступала государству или на рынок в качестве товара. Само военное производство иногда приобретало в силу этого черты товарного производства.

Насколько увеличение войн способствовало развитию военного производства и росту вкладов в эту именно отрасль античной промышленности, говорят, например, расходы на военные предприятия хотя бы одной только древней Греции.

Одно уже то обстоятельство, что наряду с гражданами, обязанными выступать на защиту государства, в Греции стало практиковаться привлечение наемников, говорит о том, что государство должно было закупать и всегда иметь наготове для них снаряжение. Не приходится уже говорить о том, что государство должно было располагать средствами, чтобы не только вооружать наемников, но оплачивать их наемный труд. Чтобы обеспечить достаточным вооружением граждан из класса фетов, государство должно было также взять на себя и снабжение их тяжелым вооружением¹, чтобы опять-таки стимулировать, с одной стороны, развитие военного производства, а с другой стороны—это развитие должно было происходить на другой основе, чем раньше, когда граждане сами должны были вооружаться. Создаются мастерские, эмансипирующиеся от натуральной основы земледельческого хозяйства и преследующие в своем производстве теперь уже цели производства меновых стоимостей. В военном производстве, таким образом, впервые складываются основы для производства предметов как товаров. Возникают даже центры военного ремесла. В Греции такими центрами была Атика (производство щитов и панцирей), Этолия (дротики, мечи, секиры), а в Риме такой центр, как Ареццо (Aretium), имел общеримское значение в производстве предметов вооружения.

Большие средства должны были также вкладываться в морское вооружение античных государств. Особое географическое положение античных государств, расположенных вблизи морей, а также отдаленность варварских стран, откуда путем войны и грабежа можно было почерпнуть богатства и рабов, требовали больших затрат на снаряжение флота.

В пору расцвета рабовладельческих отношений в древней Греции Афины имели самый большой флот среди других греческих государств. Он состоял в начале пелопоннесской войны примерно из 300 триер². Исходя из удельного веса хозяйственной мощи других греческих государств, нужно сказать, что последние также имели достаточный морской военный флот. Так, флот Эгины состоял из 70 триер³. Коркира имела до 120 триер⁴, занимая таким образом второе место по числу кораблей после Афин. Коринф в 432 г. до н. э. сумел снарядить 90 триер, к которым в своих колониях он сумел дополнительно мобилизовать еще 38 кораблей. Даже такие сравнительно небольшие государства, как Хиос и Мегара, имели первый 60 кораблей, вторая—40⁵.

Если принять, по Аристотелю⁶, стоимость сооружения одного корабля в V в. до н. э. в один аттический талант (около двух тысяч рублей), то получается достаточно внушительная цифра затрат, требовавшихся на организацию флота античных государств. Требовались и средства на оплату матросов, на сооружение гаваней, складов и их обслуживание.

Вполне понятным поэтому делается замечание автора Псевдоксенофонта трактата об афинском государстве, где устанавливается очень важное значение ввоза

¹ К «тяжелому» вооружению относилось прежде всего металлическое вооружение, как то: шлемы, кирасы (панцири), поножи, щиты—из оборонительного вооружения, а из наступательного—мечи, копья, стрелы, акинак и т. п.

² Фукидид, II, 13, 8.

³ Там же, I, 105, 2; 108, 7.

⁴ Там же, I, 29.

⁵ Относительно Коринфа см. Фукидид, I, 46; Хиоса—там же, VIII, 6, 4; Мегары—там же, II, 93.

⁶ «Афинская полития», 22, 7.

в Афины строевого леса, железа и меди преимущественно для кораблестроения и другого военного снаряжения. Ценность леса и металла и здесь на примере кораблестроения определялась, главным образом, их военным применением¹. Нужно заметить кстати, что формы труда и здесь так же, как и техника, были сравнительно развиты для условий того времени.

Как в сухопутной армии, так и во флоте имеются различного рода примитивные машины, которые так или иначе предназначены были обслужить операции нападения². Наряду с этим здесь также встречаем мы разного рода мастеровых—*fabri ferrarii*—кузнецы, жестяники, *lignarii*—плотники, *cunicularii*—саперы, а также маркитантов и купцов, которые сопровождали всегда и всякое войско, бросаясь, как стая паразитов, на захваченную в войне готовую добычу.

Вышеописанные данные мы привели для того, чтобы не только подчеркнуть относительно большой удельный вес военного производства в условиях рабовладельческого хозяйства, но и показать, что рост военного производства мог осуществляться на основе непрерывного превращения прибавочного продукта в средства производства. Если война при античном способе производства являлась неперемным условием процесса воспроизводства (как силы внеэкономического принуждения в захвате рабов, богатств и т. д.), то сам процесс воспроизводства экономически мог протекать главным образом на основе военного производства. Самый рост военного производства принимал некоторые черты промышленного роста, поскольку увеличение этого производства могло осуществляться только на основе превращения прибавочного продукта в средства производства.

Непрерывное условие каждого процесса воспроизводства—непрерывное превращение прибавочного продукта в средства труда (орудия производства, рабочая сила)—в условиях античного общества осуществлялось в своеобразной форме превращения прибавочного продукта в главной своей массе не в средства труда, а в «средства производства войны». Война и военное производство—вот, следовательно, сферы, в которых и через которые главным образом и осуществлялся процесс воспроизводства античного общества. И добыча рабов, и возможность их эксплуатации, и развитие рабовладельческих отношений—все это осуществлялось и могло осуществляться только при условии внеэкономического принуждения, т. е. войны, военного производства и военно-политического строя античных государств.

Теперь становится вполне понятным, почему именно в античном обществе, в котором наиболее ярко выставляется роль внеэкономического принуждения, война и военное производство, как ее экономическая база, играют такую специфическую роль в производственной жизни общества.

Именно с этой точки зрения становится понятным также и то, что всякая неудача на войне нарушала у государства, потерпевшего эту неудачу, нормальное воспроизводство хозяйственных отношений. Вот почему так часто можно наблюдать после войн в античности передвижки торговых центров, т. е. потерю прежде господствовавшими в военном отношении государствами своей военно-хозяйственной гегемонии и захват ее новым государством, выдвигавшимся теперь и в военном и в хозяйственном отношении.

С другой стороны, было бы неправильно предполагать, что беспрестанные успешные войны и непрерывный рост военного производства могли обеспечить органический рост производственных сил, хозяйственной мощи государства. При натуральных, в основном, отношениях в античности отчуждение прибавочного продукта в военное производство, наоборот, подрывало органическое развитие производительных сил и не создавало совершенно условий для промышленного развития общества. С ростом и увеличением войн больше прибавочного продукта шло в военное производство, т. е. тем меньше, следовательно, шло прибавочного продукта в развитие других отраслей

¹ См. Псевдоксенофонову Политию, II, 11 сл.

² См., например, оборудование кораблей различными механизмами в известном месте у Афиняя «*Dipnosophistea*», V, 27—28, 32.

ремесла, которые действительно могли бы производить средства производства. Непрерывные войны разрушали в конечном итоге не только эти отрасли ремесла, но отчасти разлагали и само производительное земледельческое хозяйство, способствуя отливу интересов крупных землевладельцев в сторону военных кампаний, суливших большие выгоды.

Это обстоятельство вытекало именно из того исторического условия, что древние общества, большие государственные образования держались на военном порабощении подчиненных народов, на системе непосредственного господства над подчиненным и угнетенным населением в большей степени, чем на основе внутренних экономических скреп или связей в этих обществах.

Примитивная рабовладельческая экономика еще не создавала таких развитых экономических потенций, которые бы позволяли обойтись, главным образом, только ими в подавлении и угнетении подчиненного населения. Поэтому без войны, без непосредственных захватов, без применения системы открытого угнетения внутри государства эти общества древности не могли существовать. В деле конкретного изучения первого классового рабовладельческого государства приобретает немалый интерес выяснение этой специфической роли насилия, системы господства и подчинения, войны, военных захватов и порабощения народов.

Именно это обстоятельство подорвало хозяйственную мощь Римской империи, медленно расточило производительные силы римского общества и, ослабляя его, подготавливало постепенно завоевание Рима германскими варварами.

В заключение остается заметить, что такие условия воспроизводственного процесса не обеспечивали органического роста промышленности, т. е. производства средств производства. Даже высокое развитие торгового капитала в древнем Риме проходило «без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии»¹. Такой процесс воспроизводства в античном обществе «приводит к пауперизации данного способа производства, ослабляет производительные силы его, вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает эти злосчастные отношения, при которых общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда»².

Такое развитие хозяйственной жизни античных обществ приводило к целому ряду острых противоречий, разрешение которых возможно было только на почве распада самого рабского способа производства.

Таким образом, изучение военного дела в древности, социальной функции войны в рабовладельческих обществах не может быть отделимо от учета всего своеобразия производственных отношений. Что собою представляла война в каждом отдельном конкретном случае, для изучения такого вопроса нельзя отвлекаться и от общих условий античной экономики, которые порождали столкновения рабовладельческих государств древности. Античные писатели дают в руки историка достаточный материал, чтобы проследить, какие действительные интересы лежали в основе рабовладельческих войн, каков был удельный вес военного производства при тогдашней экономике.

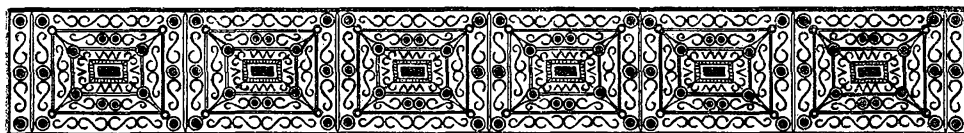
Дальнейшее исследование войн необходимо направить и по линии определения конкретной значимости той или иной войны при определенных исторических условиях. С этой точки зрения особое значение для нас имеют такие войны, как греко-персидские, пелопоннесская, войны Александра Македонского с Востоком, пунические войны, с варварами на границах Римской империи, поскольку эти войны явились поворотным пунктом в судьбе ряда государств древности.

Наконец, особое значение для историка-марксиста приобретает изучение войн угнетенного класса против своих поработителей. Несмотря на скудный материал по этой специфической стороне дела и по вполне понятным причинам слабо отраженный у рабовладельческих писателей, — изучение этого вопроса также должно обратить внимание историков-марксистов.

Проф. А. Мишулин

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 232.

² К. Маркс, Там же, ч. II, стр. 527.

ФЛАВИЙ ВЕГЕЦИЙ РЕНАТ

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА¹

FLAVII VEGETII RENATI
EPITOME REI MILITARIS

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая

Обычно во всяком сражении доставляют победу не столько численность и необученная доблесть, сколько искусство и упражнение. 1. Римляне победили все народы единственно благодаря упражнениям в употреблении оружия. 2. Из каких местностей надо набирать новобранцев. 3. Какие новобранцы более полезны: из городов или из деревень. 4. Какого возраста новобранцы всего желательнее. 5. Какого роста желательны новобранцы. 6. При наборе надо по выражению лица и телосложению узнавать, какие новобранцы обещают быть лучшими. 7. Занимавшиеся каким ремеслом должны выбираться в новобранцы или отвергаться. 8. Когда новобранцы должны получать знак зачисления. 9. Новобранцев надо приучать к военному шагу, к беганью и прыганью. 10. Надо упражнять новобранцев в плавании. 11. Как древние упражняли новобранцев на щитах, плетеных из прутьев, и на чучелах. 12. Надо учить новобран-

¹ Нам неизвестно точно ни время жизни Вегеция, ни время написания им данного произведения. Даже самое имя его установлено не вполне точно. Для решения всех этих вопросов у нас есть только косвенные данные.

Вегеций, простой литератор, следуя запросам своего времени, из чувства патриотизма и страха за расшатавшийся Рим, взялся сделать сокращенный обзор военного дела у римлян в прежнее время. Не будучи ни военным, ни историком, он излагает свой предмет вне хронологических эпох, узко рассматривает только военное дело и не обращает внимания на социальные вопросы своего времени.

Вегеций не называет имени императора, которому посвящает свою книгу. Большинство ученых относят его посвящения к Феодосию I, другие к Валентиниану III (425—455) или к Феодосию II (408—450). Работа Вегеция была переведена на греческий язык и распространена не только на Западе, но и на Востоке; сам он за нее получил высокое звание *vir illustris comes*, как стоит в конце ряда его рукописей. С приближительной точностью годами издания этой работы можно считать 390—410 н. э.

До нас дошло много рукописей Вегеция, особенно от XII и XIII вв. Это говорит о большом интересе к его произведению в средние века. Но год тому назад в рукописном архиве Ватикана была найдена рукопись Вегеция IX в., самая ранняя из имеющихся у нас, а в коллекции Моргана была открыта рукопись того же автора от XII в., снабженная миниатюрами византийской работы, изображающими орудия, о которых рассказывает Вегеций.

Литература по Вегецию не богата. Основной работой надо считать работу Зеэка в журнале «Hermes», 1876 г. Много говорит о Вегеции Гиббон. Из новейших работ можно отметить статью Dorjahn, *Vegetius on the decay of the Roman army*. «Class. Journal», 1934.

Нам известны два старых немецких перевода: Meinecke, Halle, 1800, Lipowsky, Sulzb., 1827.

Существует новейший итальянский перевод Maggiorotti, *Vegetius dell' arte militare*, 1936 г., который нам не был доступен. Перевод сделан на основании 2-го издания Car. Lang'a 1885 г. из Тейбнеровской серии римских и греческих авторов.

Скобки [] в тексте означают не принадлежащие Вегецию фразы; < > обозначают конъектуры или вставки, () —простые объяснения.